

№ 7 (189)
ИЮЛЬ

2012

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невскаго собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшаго Максима, епископа Барнаульскаго и Алтайскаго

Псалмопевец
Давид

Гравюра Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Митрополит Лимассольский Афанасий

ДУХОВНАЯ ПОЛЬЗА СКОРБЕЙ

*О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного,
если нужно, от различных искушений.
(1 Пет. 1: 6)*

Имея надежду на Царство Божие, радуйтесь, пусть и какое-то время, ведь вы знаете, что в этом мире и этой жизни не может быть непрерывного счастья, а, к сожалению, будет еще много скорбей, и потому апостол прямо говорит: «Хоть сейчас и поскорбите в различных искушениях».

Почему же нам нужно скорбеть во многих искушениях? Неужели Бог радуется тому, что мы проходим через трудности и искушения? Горе нам, если мы так думаем, — ведь Бог не садист, чтобы радоваться нашим трудностям: Он трудностей нам не посылает и Он не желает, чтобы они у нас были. Для Бога неприемлемо содействовать злу, существующему в мире сем. Бог никогда не содействует злу, существующему в мире.

Что же тогда происходит?

Зло существует по причине свободы человека, вследствие факта нашего падения. Зло существует потому, что наш путь зачастую оказывается противоположным мудрости века сего, и мы поневоле бываем вынуждены испытывать скорбь в сердце своем.

Во времена апостола Петра христиане были гонимы; его послания были написаны в I веке, при гонениях. В то время если кто-нибудь говорил, что он христианин, это означало конец его земной жизни. Апостол пишет: «Не бойтесь, имейте надежду на Божие наследство, которое хранится для нас на небесах и которым мы живы теперь; оно хранится для нас на небесах — радуйтесь в этой надежде, пусть мы недолго и поскорбим в различных искушениях», то есть не только когда нас преследуют идолопоклонники (1 Пет. 1: 4–6).

Слава Богу, сегодня у нас нет тех, кто исповедует поклонение идолам, по крайней мере в нашей стране, но идолопоклонство окружает нас, да и мы сами часто бываем идолопоклонниками, потому что поклоняемся собственным страстям. Мы поклоняемся материальному, вещам, и когда в какой-то момент лишаемся их, то чувствуем себя так плохо, что можем даже заплакать. Мы чувствуем себя плохо, когда позволяем себе сделать что-то, зная, что от этого не будет пользы. Мы плохо себя чувствуем даже тогда, когда слышим нелестные слова и насмешки в свой адрес из-за своей веры, из-за того, что веруем и хотим верить в Бога. Хорошо, мы с вами — взрослые люди, и если кто-нибудь скажет слово против нас, то не беда. Однако все равно ты удивляешься (а мы все это пережили тоже, когда были студентами), увидев, как дети и подростки с присущим им юношеским буйством и незрелостью смеются и издеваются над детьми, остающимися верными Богу, — и причем не по злобе, а просто так: «У-у, ты будешь попом! Ты будешь монашкой! Монахом!»

И много чего еще. И ребенок несет бремя этих слов.

Или же — стоит только произойти чему-нибудь в Церкви, как сразу, куда ни пойдешь, так, лишь завидят нас, и начинают: «А! Вот они! Ну, пожалуйста сюда, вы, которые...» И мы, прижатые к стенке, вынуждены защищаться, оправдываться из-за чего-то, случившегося в церковной среде. А что оно такое есть? Человеческое несовершенство. Кто говорил когда-нибудь, что Церковь обещала совершенство этому миру?

Все мы боремся со своим собственным несовершенством. Разве где-нибудь существует совершенство? Если существует, то пусть скажут где, чтобы и нам пойти туда и обрести его. И если даже среди учеников Христовых его не было, то неужто оно будет в этом мире?

Церковь — это не совокупность людей непогрешимых и безгрешных, а таких людей, которые подвизаются и каются, которые познают покаяние, могут бороться и не бросают борьбу, что бы ни случилось. Человек может иметь много страстей и недостатков, но, тем не менее, ты не знаешь, как судит Бог об этом человеке. Мы очень часто своими глазами видели, что оценка Бога полностью отлична от человеческой.

Итак, зачем нам нужно скорбеть в различных искушениях?

Дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа (1 Пет. 1:7).

Из всего этого злоключения выходит нечто очень важное — испытание веры. Под испытанием я подразумеваю не то, будто Бог испытывает нас. Если пойти и сказать тому, кто сгорает в огне скорбей и искушений:

— Знаешь, это Бог испытывает тебя! — он ответит тебе:

— Ну уж, извините! Это что же? Бог играет с нами? Чего Ему меня испытывать? Что Ему в этом испытании меня?

— Но Бог испытывает тебя.

— Зачем? Бог что, не знает, верен ли я? Обязательно нужно раздавить меня, чтобы увидеть, верен ли я?

То есть выходит, будто Бог говорит: «А ну-ка посмотрим, вот этот вот верит в Меня? Прижму-ка Я его чуток!»

Вот именно это делаем мы, не зная сердца другого, тогда как Бог знает наше сердце! Он знает, верим мы в Него или не верим. Что же это за испытание тогда? Почему оно называется так?

Это испытание не означает испытания в том смысле, который мы обычно в это слово вкладываем, — то есть испробовать, чтобы сделать вывод о том, что происходит. А означает человека, который уже искушен и научен, то есть очень тверд. Испытание веры — это именно испытание твердости веры. Через искушения, через скорби, через трудности человек становится твердым, пускает глубокие корни, утверждается в вере и вынужден бывает окрепнуть, стать таким сильным, чтобы не согнуться, не упасть; сердце его становится как скала — чтобы он стал стойким.

Поэтому скорби и испытания помогают нам, они не помогают Богу понять что-то. Бог не испытывает нужды в том, чтобы обогатить Свое ведение о нас; испытания помогают нам, и если человек духовно использует испытания, тогда действительно становится очень сильным. Происходит то, о чем говорит апостол: человек становится подобен золоту, которое искушается в огне: его расплавляют и бросают в огонь, чтобы оно стало чистым, чтобы отделилась грязь, и осталось одно только чистое золото. То же самое и с человеком, который проходит через испытания и очищается от ржавчины, от страстей, имеющихся у него, и становится подобным золоту пред Христом в похвалу, славу и честь, когда Он явится.

Именно в этом заключается тайна Церкви, и она для этого входит в нашу жизнь, а не для того, чтобы положить конец нашим скорбям. Церковь не прекращает скорбей и не избавляет от них и от испытаний, а показывает нам, как их обратить на пользу таким образом, чтобы то, что тяжело и мучительно, стало для нас благотворным и радостным.

Чтобы яд стал лекарством, горькое — сладким и человек вышел из этого испытания с большой духовной пользой, до такой степени, что отцы говорят: если человек не пройдет через скорби, искушения и испытания, то он в сущности неискушен, он, как говорят в народе, словно недоваренная пища. Не так ли? Возьми сырую пищу, положи ее в кастрюлю, добавь туда всех хороших приправ, какие в ней должны быть, но если ты начнешь жалеть ее и скажешь: «Нет, дороговато будет запекать ее, жалко ее ставить на огонь», — то что тогда будет с ней?

Однажды на Святой Горе один старец — влах, румын — сказал:

— Знайте, что человек — и монах, и всякий христианин — похож на хлеб. Если бы у хлеба был рот, то он, когда мы бросаем его в раскаленную печь, бедняга, начал бы вопить: «На помощь! Вытащите меня отсюда! Я сгорю!» Но ты, зная, что ему, чтобы стать съедобным, надо хорошо пропечься, стать приятным на вкус, говоришь ему: «Нет!» И сидишь там час, сидишь и стережешь его, а он протестует, кричит: «На помощь, пожалейте меня! Я сгорел!» Ничего. Стоишь себе у печи час, чтобы он пропекся, чтобы стал очень вкусным! И чем лучше пропечется хлеб, тем он вкуснее! Ведь так мы поступаем с едой, говоря: «Она должна хорошо провариться»?

Святой Игнатий Богоносец, который жил в I веке и был учеником святого евангелиста Иоанна Богослова, — сохранились его письма, которые он послал в Рим, — говорил: «Я иду в Рим, чтобы мученически погибнуть!» Ему было уже за 100 лет. И поскольку ему дали знать, что христиане собираются подкупить палачей, чтобы те не бросали его львам, он сказал им: «И очень прошу вас: не платите

денег, чтобы помешать львам съесть меня! Меня непременно должны съесть львы!»

Тогда часто происходило нечто странное: львов выпускали в амфитеатр, но дикие звери не трогали христиан. Много раз на виду у всех они становились кроткими и не прикасались к христианам. А святой Игнатий сказал: «Даже если звери не съедят меня, я заставлю раздражить их, пусть меня съедят. Потому что я как пшеница, которая должна быть смолота, чтобы стать хлебом — сладким хлебом, который сначала должен быть смолот в зубах зверей».

Вы видите, что первые христиане знали, как относиться к трудностям, неудачам, проблемам в жизни? Для нас сегодня, чада, это очень важно, потому что, к сожалению, все то воспитание, которое мы получаем дома, в школе и Церкви, — это сплошное, так сказать, эвдемоническое воспитание (Эвдемонизм — жизненная философия, считающая достижение счастья целью человеческой жизни).

То есть нас учат тому, как жить благополучно, чтобы с нами все было хорошо, чтобы здоровье было в порядке, учеба продвигалась, так что, когда случается сбой в чем-нибудь, человек внутренне начинает изнывать и даже негодовать на Бога и спрашивает себя: «Ну почему? Почему Бог попускает мне страдать от всех этих зол?»

Потому что мы не научились тому, что в этом мире Бог не обещал нам никакого благоденствия, а наоборот, показал нам путь и сказал: «Посмотри, в жизни у тебя будут разнообразные искушения, но в них имеется определенный смысл, определенная цель, и она служит тебе на пользу, чтобы ты пропекся, чтобы был возделан в этих искушениях, как земля, которую обрабатывают». И земле, фигурально выражаясь, тоже больно, когда ее пашут. Да, но если не будет вспахана, как она даст обильный плод?

Итак, духовно обрати на пользу искушения и скорби. Если ты извлечешь пользу из какой бы то ни было трудности, тебе невозможно будет остаться без плода.

Даже в браке, женившись, мы сталкиваемся с проблемами, трудностями, но если ты живешь, мечтая о безбурной жизни, словно в медовый месяц, то и не поймешь, что медовый месяц — это всего лишь месяц, и нет второго такого, нет полугодия, квартала или года... Длится ли медовый месяц хотя бы год? Или все же один месяц?

Если вступишь в брак с этой мечтой, тогда столкнешься с исключительно многими трудностями. Потому что да, брак включает счастье, но он включает и труд — нелегко жить с другим человеком, поддерживать другого: надо пересиливать себя, тебе надо умереть, чтобы жил другой. А после этого нужно умереть вам обоим, чтобы жили ваши дети. Вот так-то. То есть вам надо обоим уморить себя, и после этого то, что у тебя есть и что ты произведешь, отдать своим детям.

Это преодоление себя — великая вещь. Бедняга, он изнурил себя, работая многие годы подряд, по многу часов, на нескольких работах, а с легкостью отдает все своему ребенку. Это труд. Поэтому и брак тоже способ и путь спасения, как и монастырь.

Однажды пришел ко мне один американец греческого происхождения, ученый, начитавшийся книг и возжелавший стать монахом. Нашел меня. Говорит, что прочел кое-какие книги и, поездив по некоторым местам и изучив несколько религий, решил остаться православным и стать монахом.

А почему?

— Потому что, — говорит, — я прочитал, что монахи — это ангелы и их жизнь называется ангельским житием.

Я сказал ему:

— Господин, это очень хорошая идея — стать ангелом! Ну, хорошо, монахи — это ангелы, так сказать, и применительно к ним действительно говорят об ангельском житии и ангельском чине, но мы же все-таки люди! Это хорошо — стать ангелами, сын мой, но не сразу! А пока стань сначала человеком!

Сначала стань человеком, и тогда станешь ангелом. Ты не можешь уйти в монастырь и сказать: «Я уйду в монастырь, чтобы стать ангелом!» Потому что очень скоро обнаружишь первым делом, что ты — диавол! Это самое болезненное. Самое болезненное в монастыре — не устранение от мира, от родителей и не принятие решения, что у тебя не будет семьи и прочего. Самое болезненное — это когда с тебя снимается покрывало, и ты видишь свое собственное зловоние.

Когда видишь все свои страсти, когда ты, хороший человек, высоконравственный, святой, бывший примерным и добродетельным студентом, видишь, что в тебе имеется много страстей, много трудностей, — и не можешь вынести другого человека. Ты не можешь стерпеть того, что он дышит! Не терпишь его.

Ты можешь возражать ему: «Как ты со мной разговариваешь? Да ты знаешь, кто я? Или кем был?» Но эти вещи в монастыре не проходят — ни кто ты такой, ни каким был, ничего. Здесь нет ничего этого. Надо научиться тому, что там ты будешь бороться. Ты вступаешь в борьбу, ты выходишь на поле брани, и не жди, что будешь проводить время в благоденствии, — ты дашь кровь, чтобы получить Дух, как говорят отцы.

То же самое и в браке. В браке ты отдашь свою кровь, то есть не отдашь ее — это в монашестве ты ее отдаешь, а в браке из тебя ее высасывают, ее выпьют из тебя через соломинку, другой возможности нет. И ты, естественно, с удовольствием отдашь свою кровь. Это не так-то легко. Так что держите в уме, что этот путь имеет определенный смысл, что надо научиться духовным образом обращать на пользу свои трудности там, где ты находишься. Как в браке, так и в монашестве, в Церкви.

Ты вступаешь в Церковь, сталкиваешься с проблемами, затруднениями, ты должен нести крест Церкви на себе, должен нести крест другого человека, кто бы он ни был. Кто сказал тебе, что ты будешь заниматься ангельскими сферами? Ты будешь заниматься только человеческим миром, будешь бороться с этими вещами. Вот что ценно в Церкви.

Чада, это ложь, это великая ложь — воображать себе, будто мы безупречны, как это представляют протестантские деноминации: «Ах, как замечательно!» Идешь туда, и тебя встречают улыбками во весь рот и все поют: «Ля-ля-ля». Но разве человека изменят широкие улыбки, слова и песенки? Тут нужно бороться врукопашную с грехом, с самим собой прежде всего.

И многие православные, несчастные, идут туда и впадают в заблуждение: «Я был там, там было так хорошо, вокруг были улыбающиеся люди, они такие учтивые, мы пели»,

А потом видишь каких-нибудь пожилых дам с длин-

ным маникюром... которые, несчастные, не находят смысла в Церкви и говорят: «Но у нас певчие плохо поют, попы ходят бородатые, с длинными волосами, в черных рясах. Почему бы им не приукраситься немного?..» «Мы ходили в эту «церковь», и там было хорошо. Пастор был учтив, он встретил нас в дверях, поздоровался со всеми, улыбнулся». Ну хорошо, это естественно, что он тебе улыбается, но суть вещей не в этом, ты людей не изменишь таким образом.

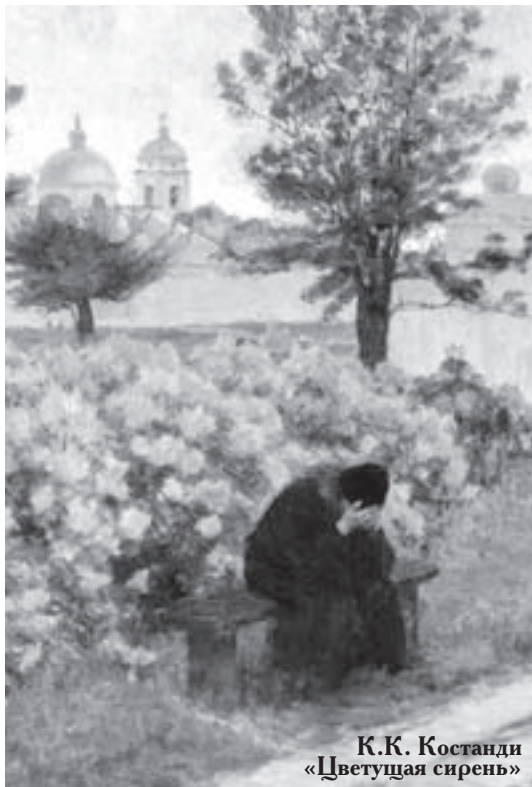
Вы знаете, дети, как это страшно, когда имеет место лицемерие, иногда даже в семье? Идешь в какой-нибудь дом, выходит жена и обращается к мужу: «Господин Николау». Но, чадо мое, скажи ты ему: «Йорго», «Коста» или кто он там еще. Чтобы ты обращалась к мужу своему по фамилии? Или ребенок к отцу?

Это напоминает мне некоторых моих студентов, когда я преподавал богословие, которые, бедняжки, состояли в каких-то религиозных движениях, и если были помолвлены, то, представляя нам свою невесту, говорили: «Это девица Николаиди!» Ну что это такое? В этом есть что-то нездоровое. Что это за слова, сын мой? Да назови ты ее имя! Что это с тобой? Лицемерие, мертвые формы. В любом случае.

Которого, не видев, любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною (1 Пет. 1: 8).

В ту эпоху были христиане, которые видели Христа, и были такие, которые никогда Его не видели. Апостол пишет вторым. Он сам видел Его и был с Ним.

«Которого любите, не видев Его». Здесь я хочу немного остановиться и сказать вам, что в Церкви мы делаем именно это. И вы, если хотите обрести смысл в вашем искании Христа, должны понять одну важную вещь: в Церкви мы не формируем верных людей, вера — это одна из ступеней, но не совершенная. В Церкви мы формируем людей, которые не просто веруют во Христа (и когда я говорю «веруют», я подразумеваю, что они верят, что Бог существует), а формируем людей, которые любят Христа. Мы призваны возлюбить Христа, а не просто поверить в то, что Он существует.

К.К. Костанди
«Цветущая сирень»

Это большая проблема христиан наших дней. Спросишь кого-нибудь, и он отвечает:

— Я верю в Христа, конечно!

Он не неверующий — «я верю в Христа». Он не любит Христа, потому что не хочет делать ничего ради Христа, он хочет просто верить в Него и чтобы другие не считали его неверующим; или же использует Его, когда Он ему нужен. Он говорит:

— Ну конечно, вот посмотри: я, сколько раз, когда Бог был нужен мне, молился Ему, и Он меня услышал!

Бог — нечто такое, что мы используем. «Есть у меня какая-то нужда — я молюсь, и Он меня слышит! И, естественно, когда Он нуждается во мне, я Его тоже слышу! То есть хочет Он, например, чтобы я отметил какой-нибудь Его праздник, — я делаю это! Хочет, чтобы я раз в месяц ходил в храм, — иду! Хочет, чтобы я исполнял несколько элементарных заповедей, — я делаю это! У нас торговые отношения с Богом: я работаю на Него, Он работает на меня, и мы оба в порядке. Ни у Него нет больших нареканий, ни у меня больших претензий, и каждый из нас доволен. Но, однако, я не даю Ему много свободы: пусть знает Свою меру, пусть знает Свои границы! Бог должен знать, что Он не может многого просить у нас: пусть просит несколько вещей, которые мы можем сделать, а сверх того — ничего больше, потому что от этого что-нибудь может разладиться».

И если кто-нибудь обманется и сделает что-нибудь сверх того, тогда начинаются проблемы. Большие проблемы. И признаюсь вам, что самые большие проблемы, которые у нас имеются в церковной среде, исходят от этих людей, от этого типа так называемых религиозных людей, для которых Бог — это религия, то есть определенный религиозный факт.

Христос для них — не Откровение. Они не любят Христа. Почему? Потому что для них Христос — это идеология, религия, совокупность идей исключительно хороших и великолепных, золотых — но никто никогда не может любить голую идею и не настолько слабоумен, чтобы жертвовать своей жизнью ради одной идеи. И любят не только идею. Есть ли среди вас такой, кто может жениться только ради идеи? Не можешь ты жениться ради одной идеи. Ты женишься на другом человеке, другой личности, потому что у тебя есть конкретные отношения с этой личностью.

Церкви никогда нет какой-то идеи, Церковь против всякой идеологии, против всякой философии, всякого умозрения — это то, что мы должны усвоить себе очень хорошо, потому что, к сожалению, это сильно проявлялось в религиозных учениях даже в нашей стране. Для нас Бог был долгом, моралью, обязанностью. Мы не научились тому, что для нас Бог — это возлюбленная Личность, и человек влюблен в Бога, он любит Христа, и любит сильно, он любит Его так сильно, что никакая другая любовь не может устоять перед любовью ко Христу, даже любовь к нашему «я».

Это любовь, через которую Христос призывает нас превозмочь всякую другую любовь. Вы видите, что Он говорит? «Внимайте хорошенько, — говорит Христос, — кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10: 37). Христос приходит и говорит тебе: «Если ты любишь отца или мать больше, чем Меня, ты не достоин Меня. Если ты любишь жизнь свою больше Меня, ты не достоин». Почему?

Мы бескрайне любим родителей, но в этой любви

есть определенная иерархия, и любовь к Богу — это пламя, это огонь, она, когда вспыхнет в сердце человека, распространяется на всех. Ты не можешь ненавидеть никого, если любишь Христа, но не можешь и ради любви к другому погасить любовь к Богу.

Иногда мы действительно находимся в большом затруднении. Мученики часто оказывались в таких трудностях.

Вот мы праздновали память святого Каллиопия. Это был 15-летний мученик. Язычники схватили его и спросили, христианин ли он, и он ответил утвердительно. Решили убить его. Его мать была там. Решили распять его на кресте. В Страстную пятницу распяли его на кресте, не зная, что была Страстная пятница. Его мать стояла под крестом, и пошла она туда, чтобы ребенок ее не поколебался и не отрекся от Христа. Подумайте только, какую иерархию любви имела она в душе.

То же и со святыми 40 мучениками и матерью самого младшего из них, Мелитона. Когда их выгнали из замерзшего озера в Севастии и все оказались мертвы, сын ее был жив. 39 тел мучеников погружены были на телегу, и их повезли в некое место поблизости, чтобы сжечь там. Мать пошла, как написано, и, увидев, что дитя ее еще живо и идолопоклонники не взяли его вместе со всеми, взвалила его себе на плечи и поспешила за телегой, чтобы успеть положить его со всеми и чтобы он не лишился мученического венца.

Святая Перпетуя была 20-летней молодой женщиной, она только что родила. Она была дочерью синклитика, то есть министра, и когда ее бросили в темницу и не могли заставить изменить своей вере, муж ее пришел, взял ребенка и сказал:

— Пожалею своего ребенка. Что будет с ним, кто будет кормить его, кто вырастит?

И не отдавали ей ребенка, чтобы сломить ее дух.

То есть вы только подумайте, что это за борьба была, но вопреки всему мученики оставались непреклонными.

У святого Иоанна Златоуста есть хорошее слово о Соломонии, у которой было семеро детей (святые братья Маккавей), всех их убили у нее на глазах. Одного бросили в кипящий котел, другого повесили, третьего обезглавили. Она была еврейка, говорила на еврейском и сказала им:

— Смотрите не отрекитесь от своей веры! Оставайтесь верны Богу и не бойтесь временного мучения, а имейте перед глазами Божию любовь!

И святой Иоанн Златоуст говорит ей похвалу: «Посмотри на мученицу. После этого она сама погибла мученически, умерев прежде семь раз мученически как мать, когда убивали ее детей. О, блаженна мать та, что превозмогла природу!»

Самое сильное чувство на свете — это материнство. Кто может отрицать это? Даже у самой малой пташки есть материнское чувство. Ты идешь по своим делам, а мать малого птенца нападает на тебя. Вопреки всему, это самое сильное чувство отступает перед Божией любовью и придает смысл всему остальному.

В конечном счете в Церкви то, что скрепляет мир и нас, — это не вера в какую-нибудь идею (мы не идеологи ни в коей мере, не философы, не мыслители, не люди абстрактного искусства), а конкретное отношение. В Церкви ты развиваешь конкретные отношения любви с личностью Иисуса Христа, то есть то, о чем святой апостол Петр говорит: «Вы, хотя и не видели Христа лично, любите Его!»

Перевела с болгарского Станка Косова
Православие ру

ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

Святитель
Василий Великий

БЕСЕДЫ НА ПСАЛМЫ

Василий Великий, (около 330) — известный также как Василий Кесарийский — святитель, архиепископ Кесарии Каппадокийской, церковный писатель и богослов. Один из трёх каппадокийских отцов церкви, наряду с Григорием Нисским и Григорием Богословом. Автор и составитель литургии Василия Великого, многочисленных проповедей и писем (сохранилось не менее трёхсот).

Ряко Писание богодухновенно и полезно есть (2 Тим. 3, 16), для того написано оно Духом Святым, чтобы в нем, как в общей аптекарнице душ, все мы, человеки, находили врачевство — каждый от собственного своего недуга. Ибо сказано: Изцеление утолит грехи велики (Еккл. 10, 4). Но иному учат Пророки, иному бытописатели; в одном наставляет закон, а в другом — предложенное в виде приточного увещания; книга же псалмов объемлет в себе полезное из всех книг. Она пророчествует о будущем, приводит на память события, дает законы для жизни, предлагает правила для деятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрых учений и тщательно отыскивает, что каждому на пользу. Она врачует и застарелые раны души, и недавно уязвленному подает скорое исцеление, и болезненное восставляет, и неповрежденное поддерживает; вообще же, сколько можно, истребляет страсти, какие в жизни человеческой под разными видами господствуют над душами. И при сем производит она в человеке какое-то тихое услаждение и удовольствие, которое делает рассудок целомудренным.

Дух Святой знал, что трудно вести род человеческий к добродетели и что, по склонности к удовольствию, мы не радеем о правом пути. Итак, что же Он делает? К учениям примешивает приятность сладкопения, чтобы вместе с усладительным и благозвучным для слуха принимали мы неприметным образом и то, что есть полезного в слове. Так и мудрые врачи, давая пить горькое лекарство имеющим к нему отвращение, нередко обмазывают чашу медом. На сей-то случай и изобретены для нас сии стройные песнопения псалмов, чтобы и дети возрастом или вообще не возмужавшие нравами по видимому только пели их, а в действительности обучали свои души. Едва ли кто из простолоудинов, особливо нерадивых, пойдет отсюда, удобно удержав в памяти апостольскую и пророческую заповедь, а стихи из псалмов и в домах поют, и на торжищах возглашают. И если бы кто, как зверь, расвирипел от гнева, — как скоро усладится слух его псалмом, пойдет прочь, немедленно укротив в себе свирепость души сладкопением.

Псалом — тишина душ, раздаватель мира; он утишает мятежные и волнующиеся помыслы; он смягчает раздражительность души и уцеломудривает невоздержность. Псалом — посредник дружбы, единение между далекими, примирение враждующих. Ибо кто может почитать еще врагом того, с кем возносил единый глас к Богу? Посему псалмопение доставляет нам одно из величайших благ — любовь, — изобретя совокупное пение вместо узла к единению и сводя людей в один согласный лик.

Псалом — убежище от демонов, вступление под защиту Ангелов, оружие в ночных страхованиях, упокоение от дневных трудов, безопасность для младенцев, украшение в цветущем возрасте, утешение старцам, самое приличное убранство для жен.

Псалом населяет пустыни, уцеломудривает торжища. Для нововступающих это начатки учения, для преуспевающих — приращение в едения, для совершенных — утверждение; это глас Церкви. Он делает празднества светлыми, он производит печаль, яже по Бозе. Ибо псалом и из каменного сердца вынуждает слезы. Псалом — занятие Ангелов, небесное сожительство, духовный фимиам. Это — мудрое изобретение Учителя, устроившего, чтобы мы пели и вместе учились полезному. От сего и уроки лучше напечатлеваются в душах. Ибо с принуждением выучиваемое не остается в нас надолго, а что с удовольствием и приятностью принято, то в душах укореняется тверже.

Чему же не научишься из псалмов? Не познаешь ли отсюда величие мужества, строгость справедливости, честность целомудрия, совершенство благоразумия, образ покаяния, меру терпения и всякое из благ, какое не наименуешь? Здесь есть совершенное богословие, предречение о пришествии Христовом во плоти, угроза судом, надежда воскресения, страх наказания, обетования славы, откровения Таинств. Все, как бы в великой и общей сокровищнице, собрано в книге псалмов, которые из многих музыкальных орудий Пророк приспособил к так называемому псалтирю, давая тем, как кажется мне, разуметь, что в нем издает гласы благодать, подаваемая свыше — от Духа, потому что в этом одном из музыкальных орудий источник звуков находится сверху. В цитре и в лигавре внизу звучит медь под смычком, а псалтирь источник гармонических ладов имеет сверху, чтобы и мы заботились искать Горнего, приятностью пения не увлеклись в плотские страсти. Притом пророческое слово, как думаю, глубокомысленно и премудро, самым устройством сего орудия показало нам, что люди с прекрасною и благонастроенною душою удобно могут восходить к Горнему.

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

О ЧТЕНИИ ПСАЛТИРИ ПО УСОПШИМ

Чтение Псалтири по усопшим имеет свое начало в самой отдаленной древности. В Четвы-Минях повествуется, что апостолы провели три дня в псалмопении у гроба Божией Матери.

Служба молитвою ко Господу за умерших, оно приносит им великое утешение и само по себе, как чтение слова Божия, и как свидетельствующее о любви к ним их живых собратьев, ибо приемлется Господом как приятная умиловительная жертва во очищение грехов поминаемых — так же, как приемлется Им вообще всякая молитва, всякое доброе дело.

Наибольшую пользу приносит чтение Псалтири самими поминающими: оно свидетельствует о большой степени любви и усердия к поминаемым их живых собратьев, которые сами лично хотят потрудиться в память их, а не заменять себя в труде другими. Господом подвиг чтения будет принят не только как жертва за поминаемых, и как жертва за самих приносящих ее, трудящихся в чтении. Читать Псалтирь может любой благочестивый верующий, имеющий навыки безошибочного чтения.

Читающему Псалтирь приличнее стоять как человеку молящемуся (в ногах у гроба усопшего), если особенная крайность не заставляет его сесть. Небрежность в этом деле, как и при соблюдении других благочестивых обычаев, оскорбительна и для священного обряда, благословляемого Святой Церковью, и для слова Божия, которое при небрежности читается как бы в несоответствии с намерением и чувством молящегося христианина.

При чтении слова Божия над телом усопшего должны присутствовать родные и близкие покойного. Если невозможно и не всегда удобно домашним и сродникам непрерывно участвовать в молитве и чтении Псалтири, то, по крайней мере, по временам им нужно присоединяться своим молением к молитве чтеца; особенно уместно это делать во время чтения заупокойной молитвы между псалмами.

В Апостольских постановлениях заповедано совершать псалмопение, чтения и молитвы по усопшим в день третий, девятый и сорокостный. Но преимущественно установилось обыкновение читать псалмы по усопшим три дня или все сорок дней. Трехдневное чтение Псалтири с молитвами, составляющими особый обряд погребения, большей частью совпадает с тем временем, в продолжение которого тело покойного пребывает в доме.

В течение пасхальной седмицы чтение Псалтири в Храмах прекращается, но, тем не менее, в «Настольной книге Священнослужителя» (М., 1983, т.4, с. 462) содержится указание: «можно не отлагать чтение Псалтири над умершим в дни Светлой седмицы». Лишь предписывается прибавлять пасхальные песнопения по прочтении каждой кафизмы.

Псалтирь состоит из 20 разделов — кафизм, каждая из которых делится на три «Славы». Перед чтением первой кафизмы произносятся предначинательные молитвы, положенные перед началом чтения Псалтири. По окончании

В Православной Церкви издревле существует благочестивый обычай чтения Псалтири над телом умершего монаха, диакона и мирянина. (Над почившим священником и епископом читается Евангелие.) Псалмы читаются непрерывно (кроме времени, когда при гробе совершаются панихиды или литии) до погребения усопшего и в память его после погребения. Чтение Псалтири по усопшим — одна из древнейших форм заупокойной молитвы Церкви о своих чадах. Оно утешает скорбящих о почившем и обращает их молитвы о нем к Богу.

чтения Псалтири произносятся молитвы, положенные по прочтении нескольких кафизм или всей Псалтири.

Чтение каждой кафизмы начинается с молитвословия: «Приидите, поклонимся...».

После каждой «Славы» (Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, И ныне и присно и во веки веков. Аминь. Аллилуиа, Аллилуиа, Аллилуиа слава Тебе, Боже! (трижды), Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.) читается молитва «Помяни, Господи Боже наш...», положенная в конце «Последования по исходе души» с упоминанием имени усопшего. Обычно это последование содержится в полных молитвословах.

Закрывать чтение Псалтири следует «Трисвятым» по «Отче наш...» Затем произносятся тропари, находящиеся в начале «Последования по исходе души»:

Со духи праведных скончавшихся ...

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу:

Ты еси Бог, сошедый во ад ...

И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Едина Чистая и Непорочная Дево ...

Господи, помилуй (40 раз).

Затем читается молитва, положенная по окончании кафизмы.

Чтение Псалтири можно продолжать и после погребения усопшего. До 40-го дня к имени усопшего присоединяется слово «новопреставленный».

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

«Много лет назад меня посетил один благоговейный христианин — человек простой и добрый. Он просил меня помолиться о его детях, чтобы Христос просветил их и, придя в совершенный возраст, они не возроптали на своих родственников за ту великую несправедливость, которую те им сделали. Потом он рассказал мне, в чем было дело, и я понял, что он действительно был человеком Божиим. Он был старшим из пяти детей своего отца, и после того, как тот неожиданно умер, он заменил его своим братьям и сестрам. Как добрый отец, он работал не покладая рук, приобретал имущество, земельные участки, обеспечивал семью. Двух сестер выдал замуж. Младшие братья тоже женились и все хорошие уголья, масляные сады и прочее забрали себе, а ему оставили негодные, бесплодные, песчаные участки. Наконец, сам он тоже женился и у него родилось трое детей. Он был уже немолодым человеком и думал о том, что его дети, повзрослев, могут понять, что с ними обошлись несправедливо, и начнут роптать. «Я не расстраиваюсь из-за этой несправедливости, — говорил он мне, — потому что читаю Псалтирь. Одну кафизму вечером и две перед рассветом. Я уже почти что выучил Псалтирь наизусть, и ни в одном псалме не говорится, чтобы люди неправедные преуспевали, но говорится, что о людях праведных промышляет Бог. Мне, отец мой, не жалко тех участков, что я потерял — мне жаль моих братьев, губящих свои

души». Этот благословенный человек уехал. В следующий раз он посетил меня примерно через десять лет. Он пришел очень радостный и спросил: «Помнишь ли ты меня, отец, помнишь ли?» —

Старец Паисий Святогорец

«Да», — ответил я ему и спросил, как его дела. — «Сейчас, — говорит, — я стал богатым!» — «Как же это, брат, ты стал богатым?» — «А вот как: те негодные песчаные участки, что у меня были, очень поднялись в цене, потому что были расположены на берегу моря. Сейчас у меня много денег, и я пришел к тебе для того, чтобы спросить, что мне с ними делать». — «Построй, — говорю, — своим детям домик и отложи какие-то средства им на

учебу — пока они не станут на ноги». — «Детям, — говорит, — я уже отложил, но все равно остается много». — «Тогда помоги бедным — сначала родственникам, а потом и другим». — «Уже помог, отец, но все равно остается много!» — «Пожертвуй деньги на строительство храма и часовен в вашей деревне». — «И на это пожертвовал, но все равно остается много!» Тогда я сказал ему, что буду молиться, чтобы Христос просветил его творить добро там, где в этом есть наибольшая необходимость. Потом я спросил: «А как поживают твои братья, где они?» Он расплакался и сквозь слезы проговорил: «Не знаю, отец мой, даже и следы потерялись. Участки в деревне, масляные сады и уголья они распродали. Где они сейчас — я не знаю. Сперва уехали в Германию, потом в Австралию, и сейчас о них ни слуху, ни духу». Я не знал, что он так расстроится из-за братьев, и пожалел, что спросил об этом. После я утешил его, и он ушел в мир. Я сказал ему: «Давай будем вместе молиться, чтобы и о них тоже получить радостные известия». Потом мне на память пришел следующий псалом: «Видех нечестиваго превозносяща и высящаща яко кедръ ливанская и мимоидох и се не бе и взысках его и не обретеся место его?». С его несчастными братьями произошло именно это.

Итак, нет ничего хуже неправды. Старайтесь же иметь благословение Божие на все, что бы вы ни делали».

ЗАПИСКИ СВЯЩЕННИКА

Священник Димитрий Дудко

Терпение святых

(Из Синодика)

Житие моей матери

Первая, кого я хорошо помню и знаю, — моя страдальца мать. Вот сейчас Помогу представить её внешний вид и вижу её постоянно задумавшейся и скорбящей, как мы будем дальше жить. Постоянно ведь мы нуждались, особенно не забуду голодное время, когда вообще ничего не было, но что-то где-то все-таки доставалось. Мы сидели и ждали, когда она нам разделит. И вот что меня всегда поражало: она всем давала поровну, себе же всегда выделяла меньшую часть.

«В старину на месте скрещения дорог ставили крест. В наше время скрестились дороги верующих и неверующих — значит, образовался крест. Перекрестки исполосовали всю нашу жизнь, только вот крест, на котором было изображение распятого Христа, становится, как чудо, оно же, это чудо, поворачивает нашу запутанную жизнь в верном направлении.»

Но чтобы увидеть это, надо глядеться. То, что я увидел, глядясь в нашу жизнь, предлагаю читателю.»

А потом, когда посадили кормильца-отца и оставили нас на произвол: троих братьев и она четвертая. Сестра к тому времени вышла замуж.

А еще потом, когда и меня посадили, ведь ей всё нужно было пережить, передумать, оплакать.

А еще потом, когда ни отца не осталось, и мы все разъехались, она одиноко дожидала свой век в полуразвалившейся избышке. На себе дрова носила, ждала писем от нас. Болела, страдала бессонницей.

— Всё я передумую, обо всех вспомню, и никого-то нет со мной, — говорила она.

А и мы придем, разве этим можно утешиться, тут же спешим уезжать.

— Прогляжу все свои глазоньки, не идет ли кто ко мне? Смертушки стала просить, — и стали ей видаться какие-то кошмары.

— А раз в тишине ночной, как завоняет, и я поняла, какую нечистую силу призываю... и она вся ушла в молитву. Встанет, умоется и молится, стоя на коленках перед иконами.

А когда стало немоготу стоять, — это она уже перешла к дочери, моей сестре, сидела и молилась. Долго молилась. Мне кажется, я и сейчас слышу её страдальческий шопот молитвы.

Умирала трудно, без всякой медицинской помощи, без присутствия тех, кого она всю жизнь оплакивала. И вдруг среди её предсмертных мук раздался радостный голос:

— Кто это столько цветов рассыпал, — и с этим затихла, наверно, и просветлела в лице.

Вот сейчас, когда я пишу эти строки о ней, вспоминаю все её муки, и она мне видится просветленной, и улыбается. Мама улыбается доброй святой улыбкой из-за гроба. В трудные минуты она мне снится, это она приходит на помощь! Когда легче — не снится. И в жизни случается чудо. Это по её молитвам. Молитва матери со дна моря достает.

Житие моего отца

Первой — мой отец. Он, мне кажется, был менее терпелив, чем мать, и я помню, как он кричал на нас, наказывал, мать всегда защищала, но он такой же страдалец, как она.

Я помню, когда у нас изымали за неуплату налога где-то отцом приобретенное зерно, его хранили или на посев или на самое трудное время, отец уцепился за мешок руками, его волочили по земле, а он не мог разжать своих рук. Его повалили, топтали по нему, потом стали вырывать клочьями бороду, он, заплакав, отпустил руки. А как он шел на суд, в худой одежонке, ссутулившись, вобрав голову в плечи.

Потом, когда мы были на фронте, воевали за счастливую свою долю, он возвратился из заключения.

Я его видел, это уже был не тот, мужественно боровшийся с бедами, не отчаивавшийся, смело полагавшийся на Бога, это

какой-то раздавленно-неузнаваемый, как ребенок стал.

Им все помыкали. Мама нам говорила:

— Папа совсем не тот, как будто ему что-то сделано. Он хотел поправиться и старался всё украдкой есть сало, как будто ты ему запрещала...

После войны мы стали жить несколько лучше.

Умер отец, когда я сидел в заключении.

Мама рассказывала, что он мне всё собирал деньги, хотел послать.

Перед смертью он поставил вопрос: «Неужели я не увижу Митю?» — это обо мне.

А умер, говорят, неожиданно и тихо. С вечера всё пел церковные песни, весело, жизнерадостно. Мой средний брат у него спросил:

— Папа, а ты говоришь, что умрешь?

Он, хватаясь за сердце, бодро отвечал ему:

— Не умру, но жив буду, — и запел: Христос воскрес из мертвых, — хотя наступали не пасхальные, а рождественские дни.

Сестра и мать не спали, сторожили его, и вдруг задремали. Проснулись, а он уже мертвый.

Тиха и безболезненна смерть праведника!

В недоуменных случаях жизни я заходил к нему на могилку, просил его, и было такое чувство, что я с ним поговорил, как с живым, и всё как-то просто устраивалось в моей жизни.

К родителям!

Давно уже не был на могилке своих родителей, простите меня и помолитесь обо мне. Вашему сыну тоже выпадают часто беды, но мне легче, чем вам, я верю в силу ваших молитв, ибо много может молитва праведника.

Житие моего дяди

Третий — мой родной дядя. Я как-то с ним был даже мало знаком, познакомился тогда, когда загоняли в колхоз. Я в то время стал активно верить и о вере стал рассказывать и ему. Он слушал внимательно и сразу принял решение: в колхоз идти не надо, это грех, а нужно пойти на муки.

Вскоре его судили за неуплату налога. На суде он заявил о своей вере, над ним смеялись. Сказать в то время серьезно о Боге — это вызвать смех. Сейчас в настоящее время — благодать, можно говорить и спорить, а тогда заявить о Боге — проявить величайшее геройство.

— Ну, вот иди, посиди, — заявили ему.

— Бог мне помощник, — заявил он им.

Вскоре началась война, отец мой возвратился из заключения, а он нет. Кто-то рассказывал, что его мучали, а он стоял твердо. Неожиданно уверовавший, он навсегда остался стойким.

Житие русских детей

Помню, когда раз во время богослужения я как-то вспомнил о двенадцатилетнем мальчике, убитом во время Голода за нашей деревней. Я долго плакал о нем и не мог успокоиться. Вспомнилась мне и расстрелянная царская семья, убитый мальчик царевич Алексей. Вспомнился мне и младенец у моей сестры, умерший за пазушкой, когда она безнадежно искала пропитание.

А сколько детей умерло мученической смертью мне неизвестных? Не их ли святыми слезками мы живем?

Все младенцы, все дети убиенные на русской земле, помолитесь Вы о нас, грешных, да Господь помиует Русскую землю, да прекратятся на ней аборт, убийство нерожденных детей.

От Ирода умученные, вразумите вы других иродов, больше не мучать, не терзать русскую землю.

Житие моего народа

Развратился сейчас мой народ: пьянствует, развратничает, ворует, обманывает. Его осуждают многие, и даже ненавидят, но я не могу его судить.

Я видел как-то пьяницу, он входил молча в вагон, его все толкали, обзывали всякими словами, он покорно всё принимал, не огрызался, но я взглянул в его глаза и увидел, что и он сам себя осуждает и потому принимает всё покорно.

Другие пьяницы огрызаются, а этот не огрызался. И вспомнил я, что пьют от отчаяния, от великого горя или от пустоты в душе. Ведь их всех безжалостно обворовал атеизм, и пьяницы на Русской земле все мученики, безблагодатные пусть, но от этого и страшнее мучения.

Потом этого пьяницу все-таки вытолкали, он чуть не попал под автобус, и вот тут-то все всполошились и пожалели его.

А сколько пьяниц валяется на улицах, мочит их дождь или запорошивает снежок. Раз около полузамерзшего я остановился, стал его толкать — никаких движений, на лице лежит снег и не тает. Ко мне присоединилась женщина, та энергичнее стала его трясти. Вдруг он заворочался. Ещё присоединились, растолкали, довели до метро. Что-то он пытался произнести, вроде: «Волк, волк...»

Да, многие теперь на положении волков, их истребляют, как и тех, но никто не жалеет их.

А развратники, которые нашли в этом смысл... Мне вспоминается не это, а когда они уже никому не нужны, все их обходят, и они как должное принимают муки за свои грехи.

А как русских крестьян целыми семьями вывозили из насиженных мест и оставляли замерзать или умирать от голода. Немногие из них выжили.

А как дворян истребляли, расстреливали. Рассказывают, Великая княгиня, сброшенная в шахту и расстреливаемая, всё никак не умирала и пела «Воскресение Христово видеши».

А сколько вообще расстреляно, сколько убито в лагерях, сколько погибло на фронте с ничего незначащим криком. Умирали, а за что? Чтоб их дети мучались?

Господи, не могу судить мой народ, не суди его и Ты. Прости его за муки, вольные и невольные. Великомученик мой народ... Он кается в своих грехах, я не раз слышал:

— Какие мы люди теперь...

Ты смиренным даешь благодать. Дай благодать моему народу, очисти его, убели. Да будет свят!

Житие моего преподавателя

Он только что умер, ещё сегодня четвертый день, а уже его хочется занести в книгу святых.

Не знаю я его жизни, он был постоянно мягущимся, ищущим, всё раздавал, как только приобретал, не смотрел кому и сколько.

Я с ним не во всем соглашался, он не отстаивал свои взгляды. «Ну, ладно, ну, ладно», — повторял он. Иногда принимался ругать, безжалостно трепля за подбородок

слушающего, это не только меня. Упирался на послушание и смирение. Но, видя, как у нас всё разваливается, ругал высшую иерархию: доколе?

По натуре был робок, кажется всего боялся, но вдруг переступал порог робости, жадно тянулся к запрещенной литературе, кричал:

— Пора прекратить калечить людей! — потом снова робел, плакал:

— Вы уж простите меня.

Ко всему и всем у него было дело, во всё вникал, спешил сделать больше. Всё не хватало жизни, хотя его Бог награждал долголетием, восемьдесят три года прожил. Вот бы еще немного, а силы сдавали.

И в таком состоянии всех выслушает, поплачет вместе. Духовник был незаменимый. Причащая на дому, под подушкой у больного оставлял деньги.

Помню последний мой разговор с ним:

— Ну, расскажи, — обратился он ко мне, и тут же начал читать мораль.

Прислушиваясь к возражениям, соглашался, радовался самому малейшему доброму делу. Горел! — вот что определенно остается от него, и угасая, тоже горел.

Рассказывают, что уже в полузабытьи всё благословлял, приговаривая:

«Ну, идите», — напутствовал в жизнь или на подвиг, а потом:

— Споем Воскресение Христово видеши, — увидел воскресение Христово. От этого воскресения просвещенный, не забуди нас, оставшихся здесь, в своих молитвах.

Р.С. Выяснилось, что он один из троих, которые в начале советского безбожия дали обещание Богу до конца дней своих делать дело Божие, не выставляя его напоказ. Одному досталось заключение, тайно проповедовать и окормлять, умер под именем «бухгалтер», другому — аполлетика, никто не знал, что он священник, писал очень смело и убедительно, а вот этому — исповедничество во всех смыслах этого слова. И все делали так, что никто не мог даже догадаться, что это они. Не их ли делами и молитвами мы живем, шумя на чужой славе?»

Житие моего духовника

Николай умер несколько лет тому назад. Жил он незаметно, сосредоточенно, и для других, и теперь о нем вспоминают, как о чем-то особенном, только каждый светлеет при упоминании его имени. Он умел выслушать, подать нужный совет, утешить. Наверно, он ни с кем не спорил, и никого не поучал, но всё, что он говорил, оставалось в памяти, к нему ходила вся Москва за советами.

Умер внезапно, хотя до этого, кажется, перенес инфаркт. На отпевании было много священников, народ заполнил весь храм, улицу, останавливался транспорт. Гроб его несли около трех километров на руках.

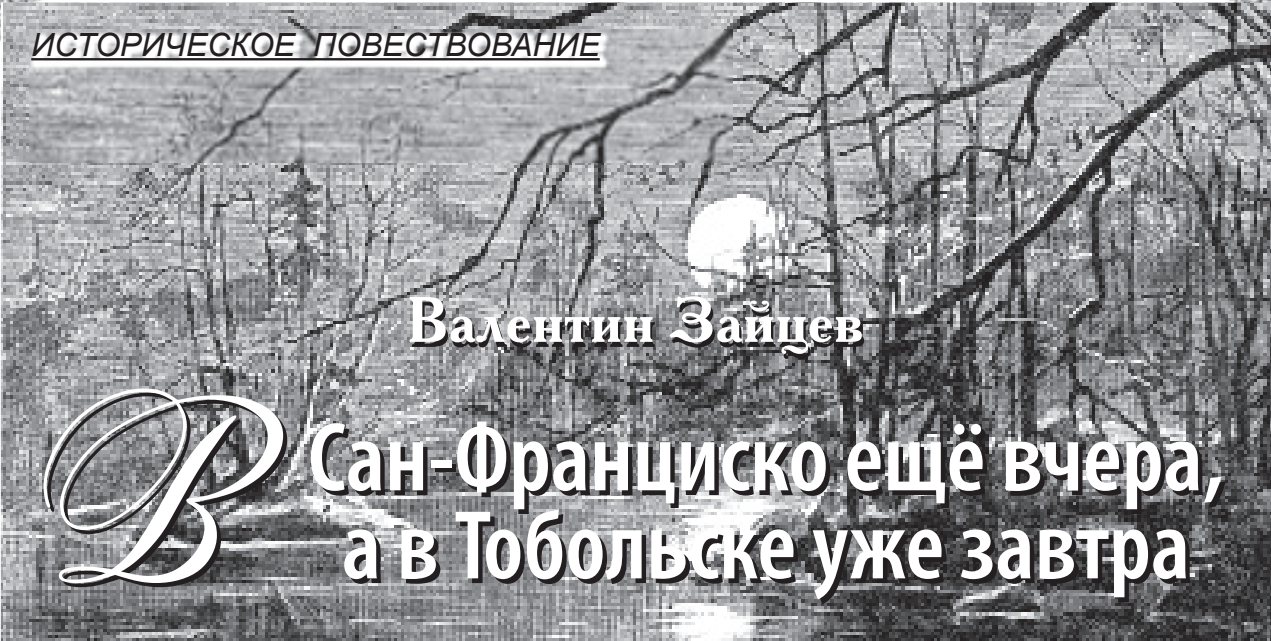
После его смерти стало известно, что он жил с женой, как брат с сестрой, а те дети, которых он вырастил, не его, взяты им из приюта. Из своей зарплаты он регулярно выделял нуждающимся.

На отпевании его брат — епископ сказал: — Честна пред Господом смерть преподобных Его.

По страницам книги
«На скрещеньи дорог Христос»

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

**В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра**

Окончание. Начало №№ 10-12, 2010 г., № 1-12, 2011 г., № 1-6, 2012 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Встречи в Поднебесной

15

Подвиг аскетизма и любви

*«Истинно говорю вам: так как вы сделали это
одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»
(Мф. 25, 40)*

Родиной владыки Иоанна была цветущая Харьковская губерния. Там, в деревне Адамовка, в дворянской семье Максимовичей, у родителей Бориса и Глафиры родился 4 июня 1896 года сын и был наречён во Святом Крещении Михаилом — в честь святого Михаила Архистратига Божиего. Издревле фамилия дворян Максимовичей славилась на всю Россию своим благочестием. Одним из самых выдающихся Максимовичей был Церковью прославленный святой, святитель Иоанн — митрополит Тобольский и всея Сибири, о котором у нас уже шла речь.

Хотя святитель Иоанн умер в начале восемнадцатого века, но дух его как бы особо почил на его праплемяннике. Юный Михаил с детских лет был особенным мальчиком. Рос болезненным и ел мало. Игрушечных солдатиков превращал в монахов, крепость — в монастырь.

Родительское имение в Голой Долине находилось в восьми верстах от Святогорского монастыря, где мальчик Михаил бывал часто. Этот дивный монастырь с афонским уставом, расположенный на лесистом берегу Северного Донца, с великолепными соборами, высокой горой Фавор, со многими пещерами, схимниками, скитами, многолюдной братией (тогда было 600 человек), оставлял сильное впечатление на «инока», можно сказать, с детства.

В 1914 году будущий владыка окончил Полтавский кадетский корпус и поступил в Харьковский императорский университет на юридический факультет. И хотя он учился

хорошо, сердце его стояло далеко от мира сего. «Изучая светские науки, — говорил он впоследствии, — я всё больше углублялся в науки из наук — в изучение духовной жизни». Особенно любил жития святых. Усваивал их миропонимание, их житейскую ориентацию. Вошёл в их психологию, изучил разновидности их деятельности и подвига. Всею душой полюбил он святых, проникся их духом. Приложив все усилия, он сподобился того, что у него открылись духовные очи, и душа уязвилась жаждой — приобрести путь жизни во Христе. В то время он с пылкостью юности начал подвижничать, взяв на себя неимоверно тяжёлый подвиг столпничества, которое слилось с другими образами подвига.

В 1918 году Михаил окончил юридический факультет Харьковского университета, а в 1925 году — богословский факультет Белградского университета. В 1924 году владыка Антоний посвятил его в чтецы русской церкви Белграда, а через два года им же пострижен в Мильковском монастыре в монахи и рукоположен во иеродиаконы, причём с именем в честь его дальнего дяди святителя Иоанна Тобольского. На Введение во храм Пресвятыя Богородицы молодой инок стал иеромонахом. В эти годы он был законоучителем в Сербской государственной гимназии, а с 1929 года стал преподавателем и воспитателем духовной семинарии Охридской епархии в городе Битоле, так называемой — «Богословии Святаго Иоанна Богослова». И тут впервые открылась его дивная жизнь.

Епископ Николай (Велимирович) ценил и любил молодого иеромонаха Иоанна и уже тогда не единожды говорил о нём: «Если желаете увидеть живого святого, пойдите в Битоль к отцу Иоанну». И, действительно, стало очевидным, что это был совершенно особенный человек. Он постоянно и непрерывно молился, ежедневно служил Божественную литургию, строго постился, ел только один раз в день поздно вечером, никогда не гневался и с особенной отеческой любовью вдохновлял студентов высокими христианскими идеалами. Студенты первыми обнаружили его величайший подвиг аскетизма — никогда не ложился спать. Ночами он ходил по общежитию, осеняя спящих крестным знаменем — кому поправит одеяло, кого потеплее укроет. И только иногда на рассвете, стоя на коленях перед образами, он на мгновения впадал от изнеможения в сон.

Много лет спустя он сам признавался, что со дня его иноческого пострига он не спал лёжа на постели. Такое самоумерщвление очень редко, так как крайне тягостно.

На Охридском озере в монастыре преподобного Наума находились мощи этого святого — ученика и сподвижника святых Кирилла и Мефодия. Иеромонах Иоанн очень чтит этого святого. С его иконой он ходил по больницам и читал молитвы над больными, что делал впоследствии и в Китае.

В 1934 году было решено возвести иеромонаха Иоанна во епископы. Но сам он был далёк от этого. Когда его вызвали в Белград, ему и в голову ничего подобного не приходило, как это видно из рассказа одной его знакомой по Югославии. Как-то встретившись с ним в трамвае, она спросила, по какой причине он в Белграде, на что он ответил, что приехал в город, так как по ошибке получил сообщение вместо какого-то другого иеромонаха Иоанна, которого должны были рукоположить во епископы. Когда же на другой день она опять увидела его, то он сообщил ей, что, увы, ошибка оказалась хуже, чем он ожидал, ибо именно его решили посвятить во епископы. Когда же он воспротивился, выставя своё косноязычие, то ему коротко сказали, что и пророк Моисей имел такое же затруднение.

Посвящение состоялось 28 мая 1934 года. Владыка Иоанн был последним из сонма епископов, рукоположенных митрополитом Антонием. Исключительно высокое уважение, которое этот маститый иерарх имел к новому епископу, он выразил в письме к архиепископу Димитрию на Дальнем Востоке. Отказываясь от предложения уйти на покой в Китае, он писал:

«Друг мой, я уже настолько стар и слаб, что не могу думать ни о каком путешествии, кроме путешествия на кладбище... Но вместо себя я, как мою душу, как моё сердце, посылаю к Вам владыку епископа Иоанна. Этот маленький, слабый человек, почти ребёнок с виду, является каким-то чудом аскетической стойкости и строгости в

наше время всеобщего духовного расслабления»

Владыка Иоанн назначался в Шанхайскую епархию. Если Иоанн (Максимович) — старший послал туда духовную миссию с целью — изучить эту густонаселённую страну, создать союзнические отношения между двумя великими державами и вести китайский народ к Свету Христову — и вместе с тем мечтал со временем сам возглавить миссию, то эту мечту исполнил Иоанн (Максимович) — младший.

... Весть о владыке Иоанне, что он исцеляет даже неизлечи-

мо больных, скоро распространилась вначале по всему Шанхаю, а потом и среди огромного населения Поднебесной. К нему поехали и пошли со всех сторон, и он никому не отказывал — просить Господа о помощи страждущим, и Господь откликался на его молитву, помогал.

Но не только дар исцеления дал Господь владыке Иоанну. Были у него и другие дары, которые не могли не примечать в нём люди. Об одном дарё мы уже рассказали, когда он обещал своим пасомым, что природная стихия не затронет их. И разрушительной силы тайфун обошёл остров. Но это было, так сказать, в глобальных масштабах. Были дары и другого типа — личные.

Вот архивный материал, взятый автором данного повествования в монастыре Германа Аляскинского в США, штат Калифорния. В этом материале О. Скопиченко ярко характеризует непоколебимую веру владыки Иоанна.

«Одну женщину, по фамилии Меньшикова, укусила бешеная собака, и она заразилась бешенством. Владыке Иоанну никто не говорил об этом, но он узнал о ней, как и всегда узнавал обо всех больных — страждущих и умирающих. Поспешил к ней со Святыми Дарами. Когда причащал больную, с ней произошёл очередной припадок, и она выплюнула Святое Причастие с пеной, обильно летящей с её губ. Частица Святого Причастия не может быть выброшена. Владыка подобрал и положил себе в рот выплюнутую больной частицу Святого Причастия. «Что вы делаете, владыка! Бешенство — страшная зараза!» — закричали присутствующие. Владыка спокойно ответил: «Ничего не случится: это — Святые Дары». И действительно, ничего не случилось».

А вот история монахини Августы. Запись её имеется в архивах как Китая, так и Америки. Она как бы подсказывает людям: кто держится за праведного человека, тот держится и за Господа нашего Иисуса Христа.

«Имею преклонные годы и могу скоро умереть, поэтому не хочу унести в могилу то, что Господь открыл мне в назидаение. Из-за трудностей жизни в Китае во время японской оккупации я вынуждена была отправить дочь в Италию к мужу. Тогда я была ещё мирским человеком. Муж встретил её на пароходе и привёз к своим родителям. Прожил с

ней одиннадцать дней, и его командировали в Африку. Родители мужа не признавали наш брак и заявили моей дочери, чтоб она уходила из их дома. Она не знала итальянского языка. Да и было ей всего 17 лет. Писала мне отчаянные письма. Я ходила в Кафедральный собор Шанхая ежедневно и там молилась, чтоб Господь помог ей. Прошло два месяца. Жизнь дочери не улучшалась. Я очень страдала и в отчаянии дошла до того, что вера моя стала колебаться. Даже решила в церковь больше не ходить. В тот день вместо того чтобы, как обычно, побыстрее вскочить с постели и поскорее собираться на службу в храм, я долго лежала, чувствуя в себе какое-то озлобление. А как встала, сразу отправилась в гости к знакомым, чтоб у них отвести душу. Путь мой лежал мимо собора. Слышу: в храме пение... Ведь не вытерпела, зашла. Служил владыка Иоанн. Алтарь был открыт. Владыка произнёс глас: «Примите, ядите, Сие есть Тело Мое». И... «Сия есть Кровь моя... во оставление грехов». Опустился на колени и сделал глубокий поклон. Я увидела Чашу со Святыми Дарами непокрытой, и в это время, после слов владыки, сверху плавно начал спускаться огонь и опустился в Чашу. Форма огня была похожа на цветок тюльпана. Но гораздо большего размера. Никогда в жизни своей я не думала, что увижу действительное огнём освящение Даров. Приоткрыл мне Тайну Господь. Стыдно стало за своё малодушие».

А вот ещё одна архивная история, рассказанная Л.А. Лю.

«Я, не зная владыки, написала ему письмо, прося молитв и похлопотать об одной вдове с детьми. Кроме того, задала ему личный духовный вопрос. Ждала ответа.

Прошёл год. Владыка приехал к нам в Гонконг. Я стояла среди встречающих его. Он увидел меня в толпе и громко сказал: «Письмо от вас я получил». Потом, приблизившись ко мне, отвечал на то письмо так, будто держал его в руках и читал. Я слушала его и была уверена, что он знает обо мне абсолютно всё. Но ведь владыка меня никогда прежде не знал и не видел. Я была поражена. Вечером после службы владыка перед аналоем произносил проповедь. Я стояла рядом с моей мамой, и мы обе видели сияние, окружавшее владыку с головы до ног. Сияние это распространялось до самого аналоя — шириной сантиметров в тридцать-сорок и было настолько ярким, что затмевало собою всё, что находилось за этим сиянием. Это продолжалось довольно долго. Когда закончилась проповедь, я сказала подошедшей ко мне Н.В. Соколовой о том, что мы видели. Она подтвердила: «Многие верующие видели это необычайное явление». Муж мой, стоявший неподалеку, тоже видел сияние, окружавшее владыку».

Были чудеса и совсем другого типа, которые на первый взгляд и чудом не назовёшь.

Разве не чудо, что всего за 15 лет многие китайцы перешли в православную веру? Разве не чудо, что вскоре по прибытии в Шанхай он ликвидировал долго длившийся раскол православной общины, восстановив церковное единство? Сразу же установил связи с сербами, греками и украинцами и занялся построением огромного собора в честь иконы Богоматери «Споручница грешных», который был закончен вместе с трёхэтажным приходским домом с колокольней. При нём духовное образование в Китае проникло не только в русские, но и в китайские школы, а сам он взял за правило — присутствовать в них при устных экзаменах по катехизису. При

его усердном содействии по всему Китаю были возведены православные храмы, и службы в них велись не только на русском, но и на китайском языке. Последним владыка Иоанн овладел в совершенстве. За несколько месяцев под руководством владыки был построен русский госпиталь, детский приют, в котором нашли свой дом около четырёх тысяч человек, по всему Китаю появились дома для престарелых. Создал коммерческое училище для переподготовки и трудоустройства беднейшей части эмигрантского населения. Его детище — женская православная гимназия, которая позволила русским девушкам из беднейших семей избежать публичных домов. Организовал столовые для бедноты... и многое, многое другое. Разве не чудо — так развернуться в чужой стране, без средств, без необходимых специалистов, без связей...

Но самое поразительное было в нём то, что принимая такое живое и деятельное участие в столь многих светских делах, он был абсолютно чужд миру. Его «странные выходы» казались странными только тем, кто отстранил себя и был чужд миру Божиим святым Православной Восточной Церкви, ведущих беспощадную невидимую брань с князем мира сего.

16

Все суточные богослужения владыка Иоанн совершал ничего не пропуская, так что случалось, что на вечерни по пять и более канонів вычитывалось, дабы почтить всех святых в этот день поминаемых. После Литургии оставался в алтаре по 3 или 4 часа. Однажды смущённо заметил: «Как трудно оторваться от молитвы и перейти к земному». Он обладал прозорливостью и, как книгу, читал мысли человека. А какой дар молитвы послал ему Господь, вы, уважаемый читатель, представляете из описанных случаев обращения владыки к Богу.

В. Рейер (полное имя автору неизвестно), близко знавший владыку и писавший о нём, восклицал: «Был ли он «... восхщён в Рай, ...и слышал ли неизречённые слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 4), мы не знаем, но своими поучениями он засвидетельствовал, что Господь приоткрывал ему завесу Своего Царства».

В 1951 году владыка был назначен Святейшим Синодом Русской Православной Церкви Зарубежом возглавлять Западно-Европейскую епархию. Он постоянно разъезжал по всей Европе; служил Божественную литургию на французском языке, на голландском, как раньше служил на греческом и китайском, а позднее — на английском. О нём писали из Парижа: «Он живёт уже вне нашей плоскости».

В ответ на настойчивую просьбу тысяч русских прихожан в Сан-Франциско, фактически его бывшей Шанхайской паствы, Святейший Синод назначил архиепископа Иоанна на Сан-Францисскую кафедру.

Вечно туманный град Дальнего Запада прибыл владыка на свою последнюю кафедру осенью 1962 года.

Много было поучительного и назидательного для православного мира в жизни владыки Иоанна и после Китая. Но там уже другие люди, другие обстоятельства и ситуации, а потому — другая тема.

В Сан-Франциско жила одна благочестивая женщина. Владыка знал её 12 лет. И часто навещал для духовной беседы. В мае 1966 года он, по обычаю, зашёл навестить её. «Я скоро умру, — сказал ей. — В конце июня (нового

стиля владыка не признавал). И уточнил: «Умру не в Сан-Франциско, а в Сиэтле. Туда приеду и там умру...»

Сопровождая чудотворную икону Богоматери Курско-Коренную, владыка Иоанн 19 июня старого стиля 1966 года прибыл в Сиэтл. Отслужив в тамошнем Свято-Николаевском соборе Божественную литургию, по обычаю, оставался ещё три часа в алтаре — молился. Затем, навестив с чудотворной иконой кладбище своих духовных детей, проследовал в комнату дома, где останавливался на втором этаже. Только вошёл — послышался грохот. Прибежавший епископ Нектарий и сослужившие ему увидели, что владыка уже отходит. Его посадили в кресло, и он перед чудотворной иконой Богоматери Курско-Коренной, подобно своему святому родственнику, Святителю Иоанну Тобольскому, предал душу Богу сидя, не лёжа, уснул для этого мира. Прекратился его необыкновенный подвиг сверхъестественной тяжести — лишения себя отдыха и сна, этой — столь естественной и законной потребности всякого человеческого организма. Его положили в находящуюся там кровать — блаженное ложе, давшее, наконец, ему, после сорокалетнего воздержания, покой и сон.

В предисловии к первому жизнеописанию владыки Иоанна епископ Иаков Гаагский писал: «У меня не стало больше духовного отца, и я больше никогда другого такого не найду, кто бы мог глубокой ночью позвонить мне из другого города и сказать: «Ложись теперь спать. То, о чём ты просишь у Бога, угодно Ему»».

Многим владыка являлся во сне: иным в ослепительном сиянии, другим — с таинственным вещанием. Но самое поразительное его явление, имеющее, пожалуй, церковное значение, было многолетней начальнице Свято-Тихоновского детского приюта М.А. Шахматовой. То ли во сне, то ли наяву, она точно сказать не может, но очень явственно видела его. Владыка помазал её елеем и два раза произнёс: «Скажи народу, хотя я и умер, но я жив». Шахматова с большим волнением сразу же записала его слова, сказанные так внушительно и твёрдо.

Возле усыпальницы владыки Иоанна начались знамения милости Божией, как бы некоего общения с самим владыкой. Известный в Православии американский просветитель иеромонах Серафим (Роуз) со своими сподвижниками записывал эти знамения, проверяя их тщательно, и ведя переписку. Более ста свидетельств чудес, составляющих целую книгу помощи из загробного мира, было оглашено в прессе.

В настоящее время рака со Святыми мощами владыки находится в Сан-Франциско, в величественном храме — в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», который сам же владыка и строил. Победоносно сияют золотые православные кресты над тем собором. Весть о праведной жизни владыки Иоанна разнеслась по всем народам земли. И собор этот великолепный стал известен современному православному миру — как хранитель мощей святого наших дней.

В современном мире, окутанном мраком, нам, грешным, явлен был воистину Христа ради юродивый, оставшийся таковым и в епископском сане.

Прославление святого угодника Божьего — Иоанна (Максимовича) Шанхайского состоялось в Сан-Франциско 19 июня / 2 июля 1994 года.

* * *

Господь сподобил меня — автора этого повествования не единожды побывать возле раки с мощами святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, молиться и вслух читать акафист этому святому. А потом, надолго приложившись через стекло к открытым его рукам, лежащим на архиерейском облачении, творить молитвы. Наверное, всякий верующий испытывает волнение, прикладываясь к раке любого святого.

Пока я жил в США, меня часто тянуло к непривычно открытым рукам Иоанна (Максимовича) Шанхайского и Сан-Францисского. Это было желание какое-то детское. То самое, когда оно отбрасывает всё нежитое и возвращает в детство, в котором ребёнок неосознанно тянется поцеловать руки любящих его родителей или родных деда с бабушкой.

Это ощущение детства и необыкновенной радости я высказал американскому священнику отцу Владимиру. Он выслушал с явным пониманием, слегка кивая, а потом сказал: «При жизни Святителя Иоанна я бесконечное число раз целовал его руку. Ведь он был моим духовным отцом. Только теперь, за далью лет я понимаю, какое это великое счастье — окормляться у такого духовника».

Однажды, когда я приложился к мощам святого Иоанна (Максимовича) Шанхайского и Сан-Францисского, мне пришла мысль — побывать на могиле его духовного чада, известного в православном мире просветителя — иеромонаха Серафима (Роуза). После этого я уже ни о чём другом не мог думать, пока не отправился в дальний путь. Могила о. Серафима (Роуза) находится в монастыре Германа Аляскинского, на севере Соединённых Штатов. Около восьмисот километров от Сан-Франциско. Строил монастырь о. Серафим (Роуз) со своими подвижниками по благословению тогда уже усопшего владыки Иоанна (Максимовича) Шанхайского, который являлся в видениях о. Серафиму (Роузу). В этом монастыре я, неся послушания, провёл незабываемо счастливые дни. Там я узнал о иеромонахе Серафиме (Роузе) больше, чем в книгах о нём. А потому он стал для меня так же близок, как и святой Иоанн (Максимович).

...Через год проживания в Америке я настроился на возвращение в свою многострадальную, но вечно любимую Богом Россию. С печальным чувством прислуживал я в последний раз в алтаре отцу Владимиру. Кстати, надо сказать, отец Владимир — сподвижник о. Серафима (Роуза). Помогал ему строить монастырь на горе. Собирался туда в иноки, но его благословили на семейный путь. Жаль мне было расставаться с ним. Я почти по-приятельски сблизился с этим замечательным американским священником русского происхождения.

Отец Владимир — настоятель церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Пало Алта на Рос-стрит. Это пригород Сан-Франциско. Его храм — один из немногих православных американских храмов зарубежом, где службы ведутся не на английском языке, а как в России, на старославянском. Среди прихожан есть потомки известных людей царской России, прославивших нашу Отчизну. Дети отца Владимира и дети диакона принимают активное участие в церковных послушаниях и в службах. Среди них дочь отца Владимира — солистка Сан-Францисской оперы. Она поёт и у

отца своего в церковном хоре. Матушка отца Владимира — также певчая на хорах вместе с дочерью.

...В последний раз стоял я в Сан-Франциско у величественного собора «Всех скорбящих Радость», построенного под окормлением святителя Иоанна (Максимовича). За стеной собора рака с его святыми мощами. Оранжевое солнце, опускающееся за далёкую гладь Тихого океана, ярко желтит белые стены собора... А в России, наоборот, солнце в это время только всходит из-за далёкого горизонта Западно-Сибирской низменности и желтит белые стены

другого величественного собора, за которыми покоятся мощи тоже Иоанна (Максимовича), но только Тобольского. Получается интересный момент: в Сан-Франциско день Господень завершается, а в Тобольске, наоборот, грядущий день только начинает сиять. То есть, в Сан-Франциско ещё вчера, а в Тобольске уже завтра. Словно солнечная эстафета передалась от одного Максимовича к другому Максимовичу, объединяя не только этих двух святых, но и два города — российский и американский, находящиеся на противоположных сторонах земного шара.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

Марина Алёшина

Притчи старца Паисия для маленьких

Калибка

Мы идём по горной тропинке среди зелёных зарослей. Тропинка то сужается, то расширяется, и мы то поднимаемся в гору, то спускаемся вниз. Наконец, мы дошли до калибки старца Паисия. Калибка — это маленький домик, в котором живут монахи поодиночке.

Отец Паисий сидит во дворе, под открытым небом, а рядом, на пенёчках и деревянных чурбачках расположились его посетители — те, кто пришёл за наставлением и утешением, — и слушают его рассказы. В этих простых рассказах много мудрых мыслей.

Вот и мы сядем на деревянные чурбачки.

Старец всем раздаёт на благословение орехи, которые ему кто-то принёс.

И нам досталось по ореху. Давай посидим и послушаем.

Пчела и муха

На лугу росло множество цветов. Здесь были и белые благоухающие лилии, и гиацинты, и высокие синие ирисы. И маленьким цветочкам тоже нашлось место в траве. Ветер наклонял их, весело колыбал траву и листья, и аромат разносился далеко-далеко!

Над поляной, над цветами трудились пчёлки. Они собирали сладкий нектар, чтобы подкормить молодняк в улье и запастись едой на долгую холодную зиму.

Сюда-то и прилетела муха. Она недовольно жужжала и оглядывалась.

Одна маленькая пчёлка, оказавшаяся здесь в первый раз, вежливо спросила муху:

— Не знаете ли Вы, где здесь белые лилии?

Муха насупилась:

— Не видела я здесь никаких лилий!

— Как? — воскликнула пчёлка. — Но мне говорили, что на этом лугу должны быть лилии!

— Цветов я тут не видела, — пробурчала муха. — А вот недалеко, за лугом, есть одна канава.

Вода там восхитительно грязная, а рядом столько пустых консервных банок!

Тут к ним подлетела пчёлка постарше, державшая в лапках собранный нектар. Узнав, в чём дело, она сказала:

— Правда, я никогда не замечала, что за лугом есть канава, но я столько могу рассказать о здешних цветах!

— Вот видишь, — сказал отец Паисий. — Бедняжка муха только и думает о грязных канавах, а пчёлка знает, где растёт лилия, где — ирис, а где — гиацинт.

И люди так же. Одни похожи на пчёлку и во всём любят находить что-то хорошее, другие — на муху, и во всём стремятся увидеть только дурное.

А ты на кого хочешь быть похожим?

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Краткий обзор православных праздников в сентябре (по новому и старому стилю)

Равноапостольного Космы Этолийского (6 сентября/24 августа)

В 1714 году в небольшом горном этолийском селении в центральной Греции родился мальчик. Впоследствии он станет не только великим православным святым, но и историческим деятелем, во многом предопределившим судьбу всего балканского региона.

В то время Греция была под турецким игом и переживала тяжелые времена. Процветало варварство и безграмотность.

К этому периоду относится волна массовой исламизации тысяч христиан. Люди все больше отходили от веры отцов, это и предопределило решение святого посвятить себя делу возрождения нации.

На родине Космы Этолийского было много монастырей, вероятно, в одном из них святой научился «священной» грамоте.

В двадцать лет святой стал обучать грамматику в общинной школе. Затем продолжил образование в учебном заведении при монастыре святой Параскевы, где изучал обширные монастырские библиотеки, хранившие тысячи редких рукописей, углублял знания по арифметике и геометрии.

В 1749 году святой муж отправляется на Афон, где в училище при ватопедском монастыре продолжает образование по логике, грамматике и богословию, а также изучает святоотеческую литературу и Священное Писание.

Вот что рассказывает о дальнейших событиях первый биограф святого Космы преподобный Никодим Святогорец: «Еще нося мирское имя, Констант, прибыл в святую обитель Филофееву. Там он принял монашеский постриг и с великим усердием преуспевал в иноческой жизни. Вскоре же, когда обители понадобился священник, по сильному убеждению и прошению отцов он был рукоположен во иеромонахи».

В 1760 году Косма покинул Афон, пробыв там десять лет. Главной причиной, была забота о соотечественниках и стремление к апостольскому служению: «Он часто говорил: какую великую нужду в Божьем слове имеют братья мои, христиане! Поэтому ученые люди должны стре-

миться не в господские дома, не ко двору вельмож и не для богатства и знаменитости расточать свою ученость, но, чтобы приобрести небесную награду и неувядающую славу, более всего должны учить простой народ, живущий в великом невежестве и

Равноапостольный,
Косма Этолийский

грубости. Но при всем своем желании, при всей пламенной ревности о пользе братьев, горевшей в его сердце, он представлял и всю трудность дела апостольской проповеди и, как муж смиренномудрый и скромный, не отважился начать это предприятие, руководствуясь исключительно собственным желанием, не уразумев прежде Божьего на то изволения. Поэтому, желая узнать, угодно ли это намерение Богу, он открыл Божественное Писание и чудесным образом тотчас встретил Апостольское изречение: никтоже своего си да ищет, но еже ближнего кийждо (1 Кор.10,24), то есть, пусть каждый ищет не того, что полезно для него самого, но что принесло бы пользу его брату».

Миссионерская деятельность Космы носила многосторонний характер: с одной стороны, он стремился вернуть отошедших от православия в лоно церкви, с другой, хотел возродить чистоту христианской жизни, распространить святоотеческую традицию и укрепить единство народа.

Святой Косма посетил со своими проповедями не только Грецию, но и Болгарию, Сербию, Малую Азию. .

Особое внимание святой уделял районам, над населением которых нависла угроза исламизации и отрыва от национальной культурной традиции.

Святой говорил с народом на простом понятном населению языке. Постепенно слава о нем распространялась по всей Греции, на его проповеди стекались десятки тысяч человек.

По причине множества народа, не вмещавшегося ни в какой церкви, Косме часто приходилось проповедовать вне селений, в поле. Поэтому он имел обыкновение заранее объявлять, где хотел остановиться и говорить свою проповедь, в том месте устанавливали большой деревянный крест, потом у его подножья ставили скамью, на которую Косма выходил и учил. По окончании же проповеди Косма брал скамью с собой, а крест оставлял на месте, во всегдашнее напоминание о своей проповеди. Там, где были поставлены эти кресты, Господь явил впоследствии множество чудес.

Кресты, оставленные Космой Этолийским, долгое время сохранялись во многих населенных пунктах. Они часто обновлялись и многие из них дожили и до наших дней.

Слушателей привлекало бескорыстие Космы. Он сам становился примером самоотверженной любви к ближнему, о которой рассказывал в своих поучениях.

Начало индикта — церковное новолетие (14/1 сентября)

Император константин Великий, одержав 1 сентября 312 г. победу над Максентием, даровал христианам полную свободу исповедовать свою веру. Отцы Первого Вселенского Собора (325 г) в память об этом определили начинать Новый год с 1 сентября (старый стиль), как дня, который был началом «свободы христианской». На Руси в XVII веке день новолетия царь Алексей Михайлович, а за ним бояре и весь народ московский посвящали делам милосердия

Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии (21/8 сентября)